
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Г. Н. ГУМНИЦКИЙ

О ПОНЯТИИ ЧЕЛОВЕКА

В своей статье «Реанимация философской антропологии – шаг назад в изучении человека» профессор И. А. Гобозов дает трактовку понятия человека, которая представляется мне спорной и побуждает к дискуссии по этому вопросу. В преамбуле автор пишет, что в понимании человека «не из человека надо исходить, а из общества. Ключ к объяснению человека находится в обществе, а не наоборот» [Гобозов 2015: 5]. Мне же думается, что правильно как раз наоборот.

Автор опирается на положение К. Маркса, согласно которому человек есть совокупность общественных отношений. Однако нельзя брать это положение, не учитывая другого, не менее важного, которое Маркс высказывает в I томе «Капитала»: если мы хотим знать, что полезно для человека, надо понять, в чем состоит общая природа человека и как она модифицируется в каждую историческую эпоху. Не понимая этой общей природы, мы ничего не поймем ни в складывании, ни в исторических изменениях общественных отношений. Человек формирует общественные отношения, общество, в свою очередь, формирует человека, но это его действие является вторичным, производным. В целом же, конечно, имеет место взаимодействие между ними.

Об общей природе человека К. Маркс и Ф. Энгельс писали еще в 40-е гг. XIX в. Вот их положение по этому вопросу: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатации, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории» [Маркс, Энгельс 1955: 19]. Из него

ясно, что сначала – человек в его отношениях к природе, и лишь затем – общественные отношения, возникающие на этой основе.

Почему люди являются социальными существами, живут в обществе? Ясно, потому что не могут жить иначе, не будучи соединенными. Общество для них – это прежде всего абсолютно необходимое средство выживания. В первую очередь общество для людей, а не люди для общества. Оговоримся, что социальность мы будем понимать в широком смысле, просто как соединенность, ассоциативность. Традиционно говорят о социальности применительно только к человеку. Но это суженный смысл данного термина. На самом деле социальность присуща всему живому. Специфика человека заключается не в социальности, а в технологичности. Подробнее об этом мы скажем ниже.

Социальность – одна из важнейших черт общей природы человека. Человек унаследовал ее от своих животных предков. Но надо уточнить смысл присущей человеку социальности. Дело в том, что она является наиболее совершенной по своей форме, подлинной, полностью адекватной своему понятию, понятию соединения, ибо исключает острые, неразрешимые противоречия между членами социума, между каждым индивидом и обществом в целом. Основой этого единства является социальное равенство. На основе равенства возникают отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, конфликты разрешаются.

В эпоху «первобытного коммунизма» [Семенов 2014] в результате развития унаследованных от животных предков предморальных инстинктов и чувств возникает мораль в форме норм поведения, а затем понятий и принципов. Мораль (нравственность) – это квинтэссенция подлинной социальности. Она коренится и в подсознании человека – в совести, выражается в понятиях добра, долга, человечности (гуманности), справедливости и других, в принципах коллективизма и гуманизма. Без морали не может быть ни общества, ни нормального человека. Обобщениями морального опыта являются этические теории.

Подлинная социальность – необходимость общей природы человека, которая проявляется, хотя лишь в качестве тенденции, в то историческое время, когда общественные отношения приобретают антагонистический характер. Это было обусловлено другой, не ме-

нее важной для людей необходимостью – трудиться. В этом отношении труд оказался не только благом, но и злом для человечества: первобытный «рай» сменился «адам» – угнетением одной частью социума другой, взаимной ненавистью и ожесточенной борьбой между ними, безумным богатством одних и нищетой других. Развитие производительных сил на определенном этапе привело к тому, что труд приобрел частный характер, общественная собственность сменилась частной, появились эксплуататоры и эксплуатируемые. Возникло социальное неравенство, подлинная социальность уступила место ложной. Однако в современную эпоху развитие производительных сил достигло такой стадии, когда труд снова стало общественным по своему характеру, а это неминуемо ведет к замене частной собственности общественной, что уже происходит на наших глазах. И можно не сомневаться, что общая природа человека освободится от чуждых для нее искажений и наслоений, ложная социальность сменится естественной для людей подлинной социальностью. Будет восстановлена полноценная роль морали в поведении людей, в общественной жизни. Пока биологический вид человека сохраняется, сохраняется в неизменном виде и общая природа человека, ибо она заложена в его генах. Поэтому его стремление к подлинной социальности, к моральному образу жизни всегда так или иначе проявлялось на протяжении всей истории. И в благоприятных условиях это стремление будет полностью осуществлено.

Обратимся к вопросу о технологичности, являющейся основной специфической характеристикой общей природы человека. Как мы фактически признали, необходимость трудиться оказывается более сильной, чем необходимость сохранения подлинной социальности. Поэтому понятно, какое важное значение для решения вопроса о соотношении человека и общества имеет определение роли труда в жизни и развитии человечества. Что же чем определяется: труд общественными отношениями или наоборот? Ответ на этот вопрос известен, и никто его не оспаривает: производственные и другие общественные отношения определяются трудом, производительной человеческой деятельностью. Труд – это процесс взаимодействия человека и природы, результат труда целиком зависит от свойств этих его сторон. Общественные отношения ничего в содержание

труда не вносят. Это ясно из таких примеров, как изготовление древним человеком лука и стрел, работа тракториста, слесаря, сварщика и т. п. Общественные отношения определяются уровнем и характером производительных сил, а не человек с его умением трудиться, его общая природа, характеризуемая врожденной человеку способностью и необходимостью жить в обществе, вступать в общественные связи, определяются этими связями.

И. А. Гобозов в своей статье в ряде мест высказывается в том же духе, очевидно, не замечая, что входит в противоречие с собственной общей установкой. Так, он пишет, что проблема человека заключается в необходимости создания ему «условий для проявления своих сущностных сил, то есть физических и интеллектуальных способностей» [Гобозов 2015: 6]. Значит, эти силы и способности составляют основу, предпосылку формирования общественных отношений, определяются сущностью человека, а не берутся неизвестно откуда и почему. Их можно вывести только из природы человека, которая ими не определяется. Как пишет автор, «человеку постоянно приходится бороться за улучшение своих жизненных условий... Он вынужден требовать к себе человеческого отношения...» [Там же: 6–7]. Если бы человек определялся общественными отношениями, то он был бы им адекватен, не мог бы им себя противопоставлять.

Человек определяется не данными конкретными отношениями и не какими-то неведомыми отношениями вообще, а своей собственной природой, вытекающими из нее потребностями и интересами. В ходе общественного развития в обществе возникают и защищаются определенными социальными силами выгодные им отношения, также вытекающие из их природы, из необходимости наилучшим образом обеспечивать свою жизнь, но противоречащие требованиям общей природы человека. Значит, борьба людей за улучшение жизненных условий объяснима, если мы будем исходить из общей природы человека и из нарушения ее требований, из конфликта с ней ее же исторической модификации. Но эта борьба абсолютно необъяснима из общественных отношений самих по себе.

Для полной ясности хотелось бы напомнить всеобщую философскую методологию, которой необходимо руководствоваться при решении данного вопроса, а именно – логику связи понятий

вещи, свойства и отношения. В основе этой триады лежит вещь (в нашем случае это человек). Свойства определяются природой вещи (ее составом, строением, взаимодействием элементов), а отношения – свойствами. Отношения не могут быть исходными для вещи, они способны оказывать на нее лишь обратное влияние. Если утверждать, что отношения первичны, не определяются свойствами вещей, как считает автор, то такие отношения «повисают в воздухе», оказываются лишенными всякого содержания, и о них абсолютно ничего нельзя сказать. Как же из них в таком случае объяснить смысл слова «человек»? И что же это за теория, которая лишает смысла свои понятия?

И. А. Гобозов не согласен с М. Шелером, который считает, что «задача философской антропологии... показать, как из основной структуры человеческого бытия» вытекают язык, совесть и т. д. [Гобозов 2015: 11–12]. Он приводит и другие цитаты из работ представителей этой науки. Они мне кажутся интересными и разумными. Философскую антропологию надо не отвергать «с порога», но использовать и развивать с марксистских позиций, очищая от «идеалистической шелухи». Эта наука имеет специфическую область исследований, не относящуюся ни к какой другой общественной науке [Зеленцова 2001].

Автор заключает свою статью такими выводами: философская антропология бессмысленна и вредна; чтобы понять сущность человека, надо исследовать общественные отношения [Гобозов 2015: 15]. Отсюда следует, что проблема человека – предмет социальной философии, которая изучает «универсальные характеристики общества», а заодно и место «человека в системе общественных отношений» [Там же: 6]. У автора получается, что философия должна изучать не самого человека, а его место в обществе.

По моему мнению, положения марксизма нередко нельзя интерпретировать вне связи с другими его положениями. Подчас одни как бы противоречат другим, хотя и те и другие верны, но в разных аспектах. Об этом писал Ф. Энгельс в письмах 1894 г. [Маркс, Энгельс 1966]. Энгельс вспоминает по этому поводу, что Маркс как-то сказал о своих «учениках»-экономистах: если они марксисты, то я не марксист. Энгельс дает очень убедительные разъяснения по вопросу о роли экономики в истории общества. Одно из кажущихся логиче-

ских противоречий у Маркса объясняется, на мой взгляд, тем, что в разных случаях он исходит из разных аспектов проблемы – гносеологического и онтологического. В одной из своих работ я привожу несколько таких примеров [Гумницкий 2000: 43–66].

В заключение хочу выразить свое уважение профессору И. А. Гобозову. Но, как сказал Аристотель, «amicus Plato, sed magis amica est veritas».

Литература

Гобозов И. А. Реанимация философской антропологии – шаг назад в изучении человека // *Философия и общество*. 2015. № 1–2. С. 5–16.

Гумницкий Г. Н. Марксизм и проблема соотношения общественного бытия и общественного сознания // *Материализм или идеализм? Философские очерки*. Иваново : Изд-во ИГАСА, 2000. С. 43–66.

Зеленцова М. Г. Монистическая парадигма философского понимания мира и человека. Монография. Иваново : Изд-во ИВГУ, 2001.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Соч.* 2-е изд. Т. 3. М., 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 39. Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Январь 1893 – июль 1895. М., 1966.

Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством. М. : УРСС, 2014.